

ЖДАТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ

В 1968 году Ставропольское книжное издательство выпустило роман С. Дроздова «На переломе». Роман посвящен послеиюльским событиям 1917 года, тому тяжелому времени, когда В. И. Ленин, преследуемый контрреволюцией, должен был уйти в подполье и оттуда готовить партию большевиков к вооруженному восстанию. В центре романа — образ В. И. Ленина и его боевых соратников.

Сейчас автор работает над второй книгой романа — «Ждать, больше нельзя». Главы из этой книги предлагаем вниманию, читателей.

О падении Риги в Гельсингфорсе узнали на другой день.

Подробности государственного разговора генерал-губернатор скрыл от Ровио, но то, что полагалось знать ему как полицмейстеру города, сказал. И в голосе его не было ни сожаления, ни печали. Очевидно, свершилось то, чего ждали, что непременно должно было свершиться.

Разговор с генерал-губернатором Ровио передал Ленину.

— Пала Рига?! — Владимир Ильич смотрел на Ровио пристально, будто тот появился перед ним впервые.

— Да, — подтвердил Ровио. — Не мог же Стахович неправду сказать!

Ленин хмуро кивнул. С минуту еще он стоял, слегка наклонив голову. Потом в волнении, которое не мог скрыть, заходил по комнате.

— Так, так, господа... Доигрались. Еще одно поражение! — говорил раздумчиво. — Нет. — Остановился вдруг. — Рига не пала. Ее сдали!

Ровио обомлел. Как? Войска отказались защищать город? Позорно оставили позиции?.. Невероятно!

— Ригу сдал Корнилов, — неожиданно заключил Ленин. — Сдал преднамеренно. Варварски!

Ровио расстегнул воротник мундира — он душил.

— Зачем?

— Чтобы отдать под расстрел большевистские полки. Чтобы открыть немцам фронт на Петроград. И все это ради одного — захватить, власть, стать

диктатором всея Руси.

Ровио начинал понимать, что свершилось.

— В таком случае... — возмутился он, — сдача Риги — это... преступление.

— Неслыханное! Но такова суть буржуазии. Она укрепляет свое господство, шагая по костям павших солдат. Предательство за предательством! Все, знаете ли, оч-чень, похоже на то, что в июле было под Тернополем и Черновицами.

Ленин коснулся рукой подбородка, задумался.

Ровио нервно крутил пуговицу мундира. Жестокое время! Хотел получше приветить гостя, надежнее устроить на житье, оградить от всяческих тревог. А они вот — каждый день. Но как было умолчать о Риге, когда Владимир Ильич потребовал все новости выкладывать ему тотчас?!

Ленин поднял голову — брови сдвинуты, напряжены:

— Помните? «Гряди, вождь, и спасай Россию!» — произнес отрывисто, жестко. — Вот Корнилов и «спасает». Как видите, буржуазия от слов перешла к делу. Ну-с, а рабочие? — спросил мягче. — Что слышно о них по вашим... — взгляд его скользнул по расшитому мундиру Ровио, — полицмейстерским каналам?

В голосе Ленина не издевка — удивление, что об этом спрашивал у человека, тесно связанного по «службе с контрразведкой Керенского. Но лицо Ровио густо порозовело, и он, делая вид, что жарко в квартире, снял мундир.

— В Петрограде на заводах

волнения,— ответил, закрывая шкаф.

— Справедливые! — подхватил Владимир Ильич.

— Москва и Харьков поддерживают столицу. А Макеевка — там вооружаются против французов-предпринимателей. — Ровио ухмыльнулся в усы.— Стахович тоже боится беспорядков. Моряки — народ крутой, отчаянный. Не так, случается, сказал — за борт.

— А как на заводах? — Ленин откинул полы пиджака и, охватив руками бока, чуть наклонился.— Здесь, в Гельсингфорсе?

— Все может быть.

— И вы будете их... умирять?— слегка повысил голос Ленин.

Ровно вздохнул сокрушенно:

— Должен. Есть строгий приказ. — Но, увидев, как вновь сдвинулись брови Ленина, как сощурились быстрые глаза, добавил:— Приказ я выполняю по-своему, Владимир Ильич. По-фински. Идет митинг — высылаю туда наряд. А если волнение — усиленный направляю. Для порядка, чтобы не было провокаций. Как бы впереди лошади ставлю телегу.

Ленин выпрямился — резко, словно встряхивая себя:

— Как, как? Телегу — впереди лошади? — Он вдруг рассмеялся весело, заразительно, прижимая руки к груди.— Приказ — наоборот!

Великолепно изволили придумать!

Ровно тоже рассмеялся.

Он был отчаянным, этот человек. За смелость и решительность рабочие выбрали его старшим помощником полицмейстера. Но случилось так, что поручик фон Шрадер, настоящий полицмейстер, не выдержав атак буржуазии, ушел в отставку. Его обязанности и выполнял теперь Густав Ровио, социал-демократ, истый революционер.

Перестав смеяться, Ленин негромко воскликнул:

— Замечательно! Только не отходите от партийной работы. От революционной деятельности не

отходите.

Владимир Ильич с минуту ходил еще взад-вперед, думая. Потом поглядел в окно — над крышами бледно-голубое, почти питерское небо. Такое было ощущение, что он дома, в России. Ощущение это прошло, едва взгляд упал на гранит ребристой скалы, торчавшей в отдалении. Финляндия!..

Он достал часы, недоверчиво посмотрел на стрелки, послушал — идут.

— Не опоздаете на вокзал? — спросил обеспокоенно.

— Время есть, Владимир Ильич. Поезд с газетами приходит вечером.

— Ну-ну! — Владимир Ильич щелкнул крышкой, убрал часы.— А пересылку писем, Густав Семенович, налагаю, вам лучше наладить по своей, служебной почте.

— По нашей части, конечно, вернее,— согласился Густав.

— Вот это и важно! Сумеете организовать? Доверяться официальной почте никак нельзя.

— Понимаю...

Ровно подумал, как, в самом деле, лучше, вернее сделать? Вспомнил Ахмала, железнодорожного почтальона в вагоне, курсировавшем между Гельсингфорсом и Петроградом. Человек он далеко уже не молодой, с первого взгляда несколько неуклюжий, однако хорошо знающий конспирацию.

— Организую, Владимир Ильич,— пообещал твердо.

Вечером Ровно отправился на вокзал.

У Хагнесского рынка Густав задержался. Вот здесь, возле скобяной лавочки, он встретил вчера Вийка, депутата сейма, и Ленина. Фонари горели тускло, пришлось присматриваться к Владимиру Ильичу, гладко выбритому, в широкополой черной шляпе, похожему скорее на учителя, чем на вождя большевиков.

Густав Ровно рад был встрече. Много хорошего слышал он об этом русском, и потому не мог отказать Шотману, когда тот попросил укрыть Ленина. Но где укрыть? Время не ждало.

Густав предложил свою квартиру — надежнее места не сыскать во всем Гельсингфорсе. К тому же она пустует...

«Да, не забыть написать жене,— подумал, всходя на мост,— пусть задержится в деревне. Хотя бы на месяц... Куда спешить! И заглянуть к Яхмале — старик любит тайные поручения».

Вокзал гудел, как потревоженный улей.

Матросы, солдаты, штатские. Группами и в одиночку.

В зале, возле касс, на перроне раздавались выкрики, слышался четкий стук каблуков, и порой там и здесь что-то падало, позванивало. Отъезжающие мешались с приехавшими, все спешили, суетились — бестолково бурлил людской водоворот.

Домой Ровио вернулся с пачкой русских газет.

— А, принесли! Весьма благодарен.— Ленин выключил газовую плитку.— Ужин готов. Сегодня я угощаю, Густав Семенович. Не возражаете? — И потянулся к газетам.— Нуте-с, что доставляют в финляндскую столицу? «Известия»... Петроградского и Московского Советов. Хорошо. Наш «Пролетарий»!

А вот кадетских много — «Речь», «Русская воля», «Новое время»...

Ровио подождал, когда Ленин просмотрит газеты.

— Может, Владимир Ильич, лучше приносить обеды из столовой кооператива? — Он указал глазами на кастрюли.— Я там питаюсь. Повар Вилле неплохо готовит. Даже пельмени научился делать.

— Пельмени? — Владимир Ильич сложил газеты. — Пельмени я в Сибири ел. Наши женщины великолепно стряпали их — с тройным мясом, с луком и перцем. Вкуснейшее блюдо! — Он прищелкнул языком.— Но — воздержимся. Носить обеды в пустующую квартиру... не конспиративно, знаете ли. А?

Ровио не возразил — слишком убедительный довод.

— Готовить буду сам, — сказал Владимир Ильич.— Вы только купите для меня яиц, масла, сыра, ну и... прочего. Главное же — газеты,— прибавил.— Вот газеты, Густав Семенович, не зевайте приносить. Всех толков!

В двери он неожиданно остановился.

— И еще,— вспомнив, обернулся к Ровно.— Я готовлю письмо шведским друзьям... Нужна связь со Стокгольмом. Есть ли на примете верная okazия?

— Швеция — не Россия, Владимир Ильич.

— Ну и прекрасно. А не иметь связи с Заграничным бюро ЦК — грех непростительный.

Они прошли в комнату.

Ленин присел к столу и углубился в чтение. Читал он быстро, с карандашом в руке, и то довольно кивал головой, то хмурился, сомневался в чем-то, произнося: «Гм, гм!» Подвижность его лица изумляла Ровно.

Но за ужином Владимир Ильич был иным — говорил о разных пустяках, шутил, вставляя между словами острое, задирающее словцо или веселый каламбур, и восторженно смеялся, когда Ровно рассказывал, как на своем высоком посту обводит вокруг пальца генерал-губернатора Стаховича. Лишь иногда в глазах его вспыхивал неласковый блеск — он настораживался.

— А не попадетесь — красный полицмейстер? Ну-ну! Главное — не сбивайтесь на шалости,— предупредил серьезно.— Зачем они? Революционная деятельность не терпит озорства.

Владимир Ильич помог убрать со стола посуду.

— Теперь — спать, — предложил. — Вы ложитесь, Густав Семенович, вам рано подниматься. А я поработаю. — И как бы оправдываясь, развел руками: что поделаешь, надо.

С минуту Владимир Ильич сидел за столом, собираясь с мыслями. Потом наклонил голову, размашисто написал: «Листок по поводу взятия Риги». И подчеркнул строчку — заглавие.

Ровно дивился работоспособности Ленина. Вчера он, едва вошел в квартиру, не знакомую ему, необжитую, поужинав, преспокойно сел за стол и начал писать. А сегодня весь день не отрывался от рукописи. Теперь вот, на ночь глядя, опять взялся за работу. Вообще у Ленина много было чего-то неожиданно нового, такого, что приводило в восторг. Густав с первого часа поддался его обаянию и не заметил, как стал помощником в конспиративных делах.

Он приготовил постели — Владимиру Ильичу и себе.

Свет под абажуром горел до рассвета.

2.

На государственной службе Ровио был строг и важен, как и подобало полицмейстеру столицы. Он сидел за роскошным, почти министерским, столом, в мундире, облежавшем полнеющее тело, с коротко подстриженными светлыми усами. Чиновников управления принимал подчеркнуто официально — и тех, кто полгода назад служили царю, и тех, кого призвал революция.

И думалось Ровио, что он — хозяин положения.

А было несколько иначе...

В дверь сунул белобрысую голову дежурный полицейский:

— Корреспондент газеты «Русская воля».

Ровио разрешил войти — прессе нельзя отказывать.

«Эта газета меня, кажется, ни разу не беспокоила... — Он отодвинул пухлое досье с грифом «секретно». — А что ему надо? Неужели пронюхал, где Ленин?»

Корреспондент газеты представился четко, по-военному, и это бросилось в глаза Ровио. К тому же и лицо его показалось знакомым, где-то встречал такое.

— Прошу садиться... Окажите милость. — Ровио сказал на ломанном русском языке, хотя знал его неплохо. —

С чем пожаловали в наши строгие апартаменты?

— Имею дело, господин полицмейстер. — Корреспондент хотел было выбраться из кожаной глубины кресла, вскочить, да спохватился, полез в карман за блокнотом.

Густав Ровно сделал вид, что не придал этому значения.

— Интервью? — спросил голосом безразличным.

— Если позволите, небольшое. Всего несколько вопросов. — Корреспондент пригладил волосы, мягкие, расчесанные на пробор. — Первый. Вы знаете о падении Риги... Как сие прискорбное известие отозвалось в сердцах финнов? Полагаю, вам известно их настроение, господин полицмейстер?

— Да, разумеется... — Ровио предложил гостю сигару. — Не угодно ли?

И думал, думал — где встречался с ним, где?!

— О Риге... — продолжал он, закуривая. — Боль русских есть боль, финнов. Мои полицейские готовы: броситься России на помощь. Но разве можно оставить участки? В Гельсингфорсе тоже очень беспокойно, — пожаловался, вздохнув.

— Собrania?

— Если бы только!

— Митинги?

— Без конца. Сегодня тоже ожидается. Узнали тайно: на Сенатской площади. — Ровио сделал мученический вид. — Весь полицейский корпус поставил на ноги.

Корреспондент помедлил с вопросом:

— Чего же... чего же хотят финны?

— Хотят... Они все время требуют! — Ровио посматривал на газетчика с умом, остро. — Требуют открытия сейма. И еще требуют независимости... Полной независимости Финляндии?

— Все это обещает министр-председатель Керенский.

— Конечно. Но им не вдолбишь в

голову слова господина министра.— Ровно указал за окна, на площадь, где были люди, и выругался: — Сатана-перкала! Они говорят: «Если бы господь бог внимал мольбам каждой собаки, то с неба падали бы жареные кости». Не сочтите за брань, — корректно извинился,— это наша... как по-русски... пословица? Да, пословица!

Корреспондент, наслаждаясь старой, понимающе улыбнулся. Потом принялся что-то записывать. Всмотревшись в него, Ровио прервал:

— Вспомнил ваше лицо! — воскликнул обрадованно. — Если не ошибаюсь, вы — Моллер...

Тот удивленно и несколько оторопело вскинул голову.

— Нет, нет! — И поперхнулся дымом, закашлялся.

— Как же, прапорщик Моллер! — настаивал Ровио. — Мы встречались с вами в кабинете полковника Новицкого. Помните? О Ленине говорили — где мог укрыться? В июле... Ну?! Да что скрываться... — Он поглядел по сторонам и — тише: — Я тоже на контрразведку работаю.

— Господин полицмейстер... — корреспондент поморщился, будто его оскорбили,— вы определенно с кем-то путаете мое лицо.

— Не может быть. Впрочем, это не имеет значения.— Ровио встали, сверкая шитьем мундира, подошел к окну.— Слушаю, слушаю вас, господин корреспондент!

Но дело было сделано. Прапорщик Моллер не мог дальше играть роль корреспондента. Задав несколько бестолковых вопросов, он захлопнул блокнот, вежливо откланялся и ушел.

Встреча с петроградским агентом возмутила Ровио. Слежка? Недоверие? Что угодно — только не этого ожидал он. Но по чьему навету заслан Моллер? «Стахович!»— догадался.

И в голове полицмейстера столицы родился план мести генерал-губернатору. План был тонкий, коварный. От свершения его, однако,

удержал тихий властный голос изнутри: «Не сбивайтесь на шалости... Зачем они?»

Действительно — зачем?

Вечером Ровно встретился с Моллером еще раз — на митинге. Надо было. Остановились возле здания Сената, напоминавшего чем-то Смольный в Петрограде, галантно обменялись любезностями.

Гранитная лестница Николаевского собора — ступеней на сто в небо — сплошь чернела людьми. Матросы, солдаты, рабочие, студенты, даже ученые в старомодных мантиях. Людской ковер спускался на площадь вплоть до памятника Александру II — царь презрительно повернулся к народу спиной.

С верхней ступеньки храма говорил оратор:

— Товарищи, слышали? Свершилось новое предательство. Негодяи в генеральских погонах, распинавшиеся о любви к Родине и великой России, — они предали Родину под Ригой, они нанесли нашей свободе тяжелый удар.— Рука солдата резко опустилась — рубанула воздух.

С улицы тянуло сырým ветром — море дышало.

Прапорщик Моллер поежился зябко, поднял воротник.

— Разве позволительно так говорить о боевых генералах России? — спросил негодующе.

— Свобода слова. — Ровио не повернулся к прапорщику — говорил в пространство.— Но после митинга с них спросим по законам революционного времени, — пояснил. — Видите, сколько полицейских кругом? К ним прибавьте еще переодетых. Извините!..

Он заторопился к полицейским, сбившимся в кружок.

На площадке храма уже другой оратор:

— Нас, братишки, называют большевиками... За что? Да за правду! И выходит, что всякий, кто правильно говорит за землю и волю, — тот большевик. — Матрос повернулся

вправо, за его спиной вихрились ленточки бескозырки.— Далее возьмем Государственный совет в Москве. Буржуи решили на нем погубить завоеванную свободу — она им поперек горла. А почему? Потому как если будет свобода, то барину надо либо землю пахать вместе с мужиком, либо на фабрику поступать. Правильно говорю? Тысячегрудая толпа отозвалась разом:

— Правильно!

— Или взять, к примеру, финляндский вопрос. — Матрос повернулся влево, к финнам. — Буржуазия скovyрнула ваш сейм. Он тоже им... во как! Поперек горла встал. Вы просите не вмешиваться в ваши внутренние дела. Ладно. Не будем. Однако ж у меня опять вопрос: кто и какое право имел разгонять ваш сейм?!

Финская и русская речь смешались в гнев:

— Верно! К ответу их!

— Позо-ор!.. — задирались головы со ступенек.

Тогда, отстранив матроса, важно, как хозяин, выступил вперед член Гельсингфорского исполкома. Черный, с иголки, костюм, белые полосы воротника и манжет — интеллигент.

— Товарищи!.. По финляндскому вопросу... — Барственным жестом он вскинул руку, требуя внимания.— По финляндскому вопросу, товарищи, Исполнительный комитет стоит на той же точке зрения, что и Временное правительство, — заявил эсер. — И не отступится!

Снизу, с площади, взлетели выкрики:

— Доло-ой! Контра!

— Таких топить будем!..

Под натиском голосов толпа угрожающе колыхнулась.

Ровио вернулся на прежнее место. Моллера уже не было.

Быстро темнело — со стороны моря надвигались тучи.

А митинг не кончался.

— Вчера, товарищи, в Гельсингфорс прибыл новый кавалерийский полк. Здесь, кажется, присутствуют его

представители...— Мичман, плотный, седеющий, зорким взглядом поискал казаков.— Вот они. Поднимитесь сюда!

Два казака, выдирая полы шинелей из плотной массы тел, в броской форме, с башлыками за спиной, взошли на площадку храма господнего — как доказательство.

— Я беседовал с ними...— Мичман стал между казаками.— Оказывается, их полк за последнее время переменял шесть мест. Для чего спрашивается, гонять кавалерию с места на место, если в России расстройство транспорта? Мы знаем, для чего! — гремел голос мичмана.— Когда буржуазия увидела, что стоявшие в Гельсингфорсе казаки уже ознакомились с положением и не пожелают обогреть свои руки в братской финской крови, тогда решили взамен прислать других. Мол, эти слепы, не разберутся. Но мы им откроем глаза!..

Небо совсем затянули низкие тучи.

С мачты крейсера «Андрей Первозванный» в купол храма ударил слепящий фиолетовый луч. Луч спустился вниз, на Сенатскую, скользнул по головам людей и успокоенно угас.

— Революция эта буржуазная, товарищи, она ничего не дала народу, — говорил в зыбкие сумерки мичман.— Ничего не изменила. Слова, одни слова: А нужно дело. Необходим крутой поворот в жизни. У нас на флоте говорят: поворот «все вдруг!» В один из дней надо подняться всем и вдруг — повернуть. К земле! К воле! К миру!..

Слова оратора эхом отозвались в монолитной толпе:

— К воле!.. К миру-у!..

Ровио оставил площадь, охваченный общим порывом. Он был в восторге от народного патриотизма и незаметно все убыстрял шаг— торопился поделиться с Лениным впечатлениями.

3.

Буржуазные газеты не рассказывали о митинге — комментировали.

Комментировали грязно, подло. Ровно переводил с финского, уточняя, как было на самом деле. И ругался: «Сатана-перкала... Что они пишут? Вверх ногами!»

— Густав Семенович, вы — идеалист. — Ленин дружелюбно усмехнулся. — Ложь, клевета, наветы — излюбленные приемы буржуазии. Всей, не исключая финской.

— Но так переворачивать! — Ровио тряхнул газетным листом.

— Скажу вам, это еще терпимо. Наши вот республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа в этом вопросе поднялись немного выше — проявили себя героями политического шантажа. Как против неугодных им партий, так и политических деятелей.

— Ну, наша партия, кажется, еще не подвергалась шантажу.

— Придет время и узнает, что есть что. Одним из последних у нас пострадал Каменев...

При этих словах Ленин чуть нахмурился. Он был недоволен тем, что Каменев, поддавшись шантажу, до разбора «дела» устранился от общественной деятельности. По его мнению, это — ошибка. Отвечать таким образом шантажистам, значит, ослаблять ряды партии.

— Как же бороться с ними? С шантажистами?

— Как? — Владимир Ильич не усидел, сделал несколько шагов. — Бойкотировать! — сказал, остановившись. — Бойкотировать и всячески разоблачать их перед рабочими. А в разборе малейших сомнений — тут надо отдавать себя на суд своей партии. Она — ум, честь и, если хотите, совесть нашей эпохи.

Ровно с особым вниманием слушал Ленина. Как тогда, на Сенатской площади, он почувствовал, как внезапно раздвинулись его плечи. Удивительная, поразительная сила логики, простота и ясность вывода углубили в нем веру в собственные силы.

«А верно говорил о нем Шотман: не человек — громадина!»

Он пошел на кухню, поставил чайник. Когда вернулся, Ленин стоял у открытого книжного шкафа — просматривал тома в толстых переплетах.

— Познакомился с вашей библиотекой, — сказал, листая книгу. — Прекрасная. Даже Маркс и Энгельс на немецком языке... Мне они как раз нужны для работы.

— Очень рад. Если понадобятся другие, каких нет у меня, скажите. Достану.

— Благодарю.

Владимир Ильич закрыл книжный шкаф.

— Сколько же газет издается в Финляндии? — спросил, возвращаясь к прежней теме.

— Много, Владимир Ильич. — Ровио прикинул в уме. — Не менее ста. Да взять один Лахтис — городок вблизи Гельсингфорса. Жителей в нем тысяч семь. А газет издают три.

— И все — политические?

— Все. За них, правда, я спокоен. А есть такие... — Ровио огорченно махнул рукой. — У меня создалось впечатление — многие газеты только путают мозги народу.

— Согласен с вами. — Владимир Ильич утвердительно кивнул. — А повлиять на них можно? — спросил, прищурясь. — Властью, скажем, полицмейстера столицы? Не думали... Н-да. Посоветуйтесь-ка с товарищами. Было бы очень и очень ко времени — повлиять.

Выпив с гостем чаю, Ровно исчез на весь день.

Ленин взялся за работу. Рукопись «Государство и революция» он отложил — его ждала неотложная статья.

Статью «Крестьяне и рабочие» Владимир Ильич начал еще вчера. В основу ее положил «Примерный; наказ», взятый из «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов». И хотя газета отражала политику коалиции с буржуазией и оппортунизм в аграрном вопросе («не брать земли до Учредительного Собрания»), опубликованный в ней материал безусловно представлял

научную ценность. Наказ, правда, походил более на сводку, но давал он такие факты, мимо которых не мог пройти марксист. Не имел права.

И Ленин, шагая взад-вперед, обдумывал каждое положение.

«Первая часть сводки наказов посвящена общим политическим положениям. Так. А вторая? — Упершись в бока, Владимир Ильич склонился над газетой. — Вторая — вопросу о земле. О войне — ни слова. Ну, тут вина не крестьян, а Всероссийского Совета, которого она вполне устраивает. — Он сделал пометку сбоку абзаца. — На первой части, пожалуй, не стоит останавливаться. Впрочем, требование выборности всех должностных лиц и упразднение, по окончании войны, постоянной армии — эти два пункта весьма знаменательны. Они делают политическую программу крестьян всего ближе к нашей программе, программе большевиков».

Он сел за стол и начал писать.

«А земельные требования крестьян? — была новая мысль. Владимир Ильич задумчиво откинулся на спинку стула. — Безвозмездная отмена частной собственности на земли всех видов, передача государству или общинам земельных участков с высококультурными хозяйствами, конфискация всего живого и мертвого инвентаря конфискованных земель — что это? Шаги к социализму! Да, да. И осуществить эти требования невозможно без полного разрыва с капиталистами. Без решительной борьбы с этим классом. Без свержения, наконец, его господства».

В своих рассуждениях Ленин тлел дальше:

«В чем же состоит самообман социалистов-революционеров? В чем обман ими крестьян? — спрашивал себя. — Да в том, что они допускают... более того, распространяют мысль, будто подобные преобразования возможны в союзе с капиталистами. Без свержения господства их. Без перехода всей государственной власти к пролетариату.

Ах, господа, господа! Заливаетеесь вы соловьями за народ, а поступаете бесстыдно».

Владимир Ильич заложил большие пальцы рук за проймы жилета.

«Более двадцати лет, — думал он, — через две великие революции красной нитью тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад, к примирению с капитализмом. Ответ ясен — рабочему классу. А господа оппортунисты из социал-демократии продолжают рассуждать по премудрой формуле: так как социалисты-революционеры мелкие буржуа, поэтому «мы» отбрасываем их мещански-утопический взгляд на социализм во имя... буржуазного отрицания социализма. И что же в результате? Меньшевизм скатился до роли кадетского лакея, «примиряющего» крестьян с буржуа. Последнее, самое наглядное выражение этой роли — Церетели и Скобелев, под ручку с Черновым и Авксентьевым, подписывают реакционные помещичьи указы кадетов. К тому же от имени «революционной демократии». Каким же, в данной ситуации, должно быть отношение рабочих к крестьянам?..»

Ленин обмакнул перо. Напрягая мысль, он потер ладонью лоб.

Это был самый главный, самый важный, коренной вопрос — об отношении рабочих к крестьянам. Он требовал немедленного, четкого, ясного ответа.

Слово за словом ложились на бумагу твердые строчки.

Статья близилась к концу, когда вернулся Ровно. Владимир Ильич порывисто поднял голову, встал, оживился — пачка свежих газет лежала на столе.

— Нуте-с, можно и отдохнуть. — Он потянул за цепочку, достал из кармана жилета часы. — Да и времени... слава богу!

— Пора обедать, Владимир Ильич, — напомнил Ровно.

— Сначала газеты. — Ленин уб-

рал часы, развернул «Речь». — Что пишут
господа кадеты?

— Обсуждают наказания крестьян...

— Скажите на милость! Ага, на-
шел. — Ленин вчитался в строчки. — Не-
да... Эсеры изменили хижинам и
стали на сторону дворцов. Ну, если не
дворцов монарха, то тех, в которых
кадеты заседают в одном правительстве с
черновыми, пешехоновыми,
авксентьевыми и теперь заодно
подкармливают крестьян обещаниями.
Бред! А суть в другом... — Владимир
Ильич жирно отчеркнул карандашом
абзац. — Суть в переходе политической
власти к пролетариату. И тогда все
основное, коренное в программе наказов
станет осуществимым. А жизнь покажет,
с какими видоизменениями
осуществится. Это уж, как говорится,
дело девятое. Мы не доктринеры. Наше
учение не догма, а руководство к
деятельности. — Он отложил газету. —
Так-то, господа!

И взял другую — плехановское
«Единство».

Ленин не читал газету — пробежал
как-то сверху вниз по колонкам,
выискивая самое важное. Глаза за-
держивались лишь на мгновение — «гм,
гм, чепуха!» — и скользили дальше.

Вид у Ленина был усталый, и
Ровно решил отвлечь его.

— А знаете, Владимир Ильич, я
вам однажды письмо написал. — Он
показал конверт. — Запечатал, а
отправить не успел — сами приехали.

— Письмо? — Ленин оторвался от
газетного листа и, склонив голову,
заглянул со стороны. — И что же,
позвольте узнать, пишете в нем?

— Приглашаю главным орато-
ром... — Заметив недоумение на лице
Владимира Ильича, Ровио пояснил: — В
последнее воскресенье августа рабочие
Гельсингфорса устраивают праздник
труда. Традиционный. Мне было
поручено обратиться к вам с
приглашением...

Ленин чуть заметно покачал го-
ловой, улыбнулся:

— Мне, Густав Семенович, теперь

придется воздержаться от речей. Правда,
праздник недалеко, но... оставим это до
другого раза. А?

Ровио согласился. Однако на
прогулке Ленина настоял — нельзя
работать без отдыха.

— Уговорили, — сдался Влади-
мир Ильич. — Я готов.

На прогулку отправились после
обеда, в сумерки.

Шли по тихим улицам. Ленин в
старом пальто и надвинутой на лоб
черной шляпе, настороженно глядел по
сторонам. Когда же убедился, что кругом
безопасно, что встречавшиеся
финны больше смотрели на Ровио,
облаченного в полицейский наряд,
успокоился.

Гельсингфорс лежал на островах,
он как бы весь уходил в море, в глубь его.
Короткие улицы неожиданно упирались
то в мост, то в деревянный причал, то
спускались в бухту с рыбацкими
лайбами. Между домами попадались
вросшие в землю валуны, серые,
обкатанные некогда ледниками.

В бухте швартовался пароход.
Капитан, плечистый, нахмуренный,
облокотившись на поручни, зычным
голосом отдавал команды. Внизу, на
пирсе, матросы деловито распоряжались
брошенной чалкой.

Вышли к заливу. Дохнуло мор-
ской свежестью.

У стенки набережной стояла
«Полярная звезда». Длинная,
низкосидящая в воде яхта с откинутыми
назад трубами прежде была
собственностью государыни-импера-
трицы Марии Федоровны, матери
Николая II. Теперь над ней трепетал
красный флаг со скрещенными
якорями.

— Извольте видеть... Штаб
Центробалта, — указал Ровио глазами.

Ленин, не поворачиваясь, молча
кивнул, благодаря.

К скалистому острову длинной
косой пролегла песчаная отмель.
Пробежал ветер, поднял рябь в заливе.
Чайки, рассекая острыми крыльями
воздух, падали к бугристой воде.

Маяк на Свеаборге давал яркие проблески в море.

Ленин оглядел рейд, заставленный кораблями — русскими и финляндскими. Клотик мачты броненосца «Республика» горел красным огнем революции: экипаж его большевистский.

Глухой чернотой укрывалось море. И шумело тяжело.

Ленин, суровый и собранный, долго смотрел в ночную даль, туда, где была Россия.

4.

Ленин долго не мог уснуть — одолевали мысли.

Сначала им овладело тревожное число: пятьсот шестьдесят. Это с марта по август столько закрыто в России фабрик и заводов. Невиданно и неслыханно! Между тем армия безработных росла. А Скобелев, распинаясь на всех газетных перекрестках, оправдывал локауты.

«Что, господин социал-шовинист, это и есть торжество демократии? Победа?! — Владимир Ильич закрыл глаза. — Не помню, кто, кажется, Жорес, очень справедливо заметил: лучше говорить правду, чем быть министром».

Потом на ум пришла другая мысль — о клеветниках. «Речь» и «Русская Воля» опять наводят тень на ясный день. Рекомендуют избирателям (если они, конечно, «социалистически настроены») голосовать за «Единство» и за «народных социалистов», этих социал-кадетов, и... вновь клеветают на Ленина. Теперь уже сведения о нем якобы установлены «по документальным данным».

«Не угомонятся, — Владимир Ильич хмыкнул сердито. — Впрочем, господам клеветникам предоставлена полная свобода. Лги и клеветы — все сойдет с рук. — Он повернулся со спины на бок. — Н-дэ, фантазия контрреволюционеров работает неутомимо и, кто знает, что еще падет на мою голову. — И решил: — Рыцарям гнусной клеветы надо дать отпор. Притом жестокий!»

Часы пробили двенадцать — тихо, сонно.

«Какое сегодня число? Уже двадцать пятое... — Владимир Ильич подпер щеку рукой. — Надо закончить письмо Заграничному бюро ЦК. Бесстыдно затынул. И — спать. Сколько ворочаться!»

Он задремал, как неожиданно в сознании возник большой дом, украшенный по карнизам глазурью. Дом этот, словно корабль, острым кирпичным форштевнем врезался в ночь.

Широкая улица... Петроград!

«Надя!.. Хорошо бы повидаться с ней, — подумал Владимир Ильич. Чувство острого счастья охватило его от этой мысли. — После напряженной работы позволительно денек-другой и отдохнуть. Вдвоем. Вместе. Здесь, в Гельсингфорсе!»

В коротких записках, с шифром, он не мог рассказать жене то, что передумал за эти послеиюльские дни, что пережил в одиночестве. И мало, ничтожно мало знал о ней. А хотел знать все, до мельчайших подробностей — о главном и не главном. Для этого нужна была встреча. Нужна до крайности!..

Поутру, только стукнула дверь, Ленин уже был на ногах. В кухню вошел с часами в руке — ключиком заводил их.

— Доброе утро! — сказал бодро. И со стороны взглянул на плиту. — Что это вы стряпаете? — любопытствовал. — И, позвольте осведомиться, кому?

— Вам. — Ровно накрыл крышкой дымящуюся сковороду.

— Мне... Гм! А не пахнет ли тут, Густав Семенович, не только жареной картошкой, но и... подневольным трудом? Нет... — Владимир Ильич сунул в жилетный карман часы. — В таком случае, работу делим пополам: стол накрываю я.

За завтраком Ленин повел разговор о гельсингфорских моряках. Вчерашняя прогулка вновь усилила интерес к флоту. Самым подробнейшим образом хотел знать о нем. Что он? Чем нынче живет? Каково влияние эсеров? Но

Ровио ничего толком не мог сказать.

— А нельзя ли мне, Густав Семенович, повидаться с кем-нибудь из балтийцев? А? — Владимир Ильич прищурился, ожидая.— Или с кем-то из Гельсингфорского комитета большевиков?

О жене умолчал — встреча с ней потом, после этой.

— Только — с кем можно,— предупредил. — И сугубо конспиративно! Сможете устроить такую встречу?

У Ровио загорелись глаза:

— Постараюсь, Владимир Ильич.— Густав был отзывчив на все новое и смелое.

На службу Ровио отправился в блестящем мундире, выбритый и надушенный со щегольством.

Ленин, оставшись один, тотчас взялся за рукопись.

Он был неудовлетворен сделанным — мало.

Владимир Ильич понимал, что невозможно охватить все сразу. Немыслимо. Но столько вопросов стояло перед партией!

И, захваченный кипением мысли, он писал, писал.

День его был загружен донельзя.

Под вечер неслышно раскрылась дверь. На пороге комнаты появился высокий, худощавый человек в шинели, с подстриженными усами и бородкой клинышком. Держа фуражку на сгибе руки, он негромко, с легким акцентом, справился:

— Могу ли видеть господина... Иванова?

Ленин оторвался от стола и не встал — вскочил.

— Товарищ Смилга?! — Он и удивился, и обрадовался.— Вот приятная неожиданность... Здравствуйте, товарищ Смилга! Рад, оч-чень рад! — тряс его руку.

— Не испугал? Извините, Владимир Ильич...— Смилга снял шинель, повесил в прихожей.— Мы с господином полицмейстером были крайне осторожны. Густав Семенович, как?

Ровно подтвердил и незаметно удалился на кухню.

— Верю, верю. Иначе всем вам крышка. — Владимир Ильич улыбнулся, как простой шутке.— А я вчера, прогуливаясь, грешным делом, думал, с кем бы из гельсингфорцев повидаться. И о вас думал.

— Как раз вчера вечером я заходил в Центробалт.

— Ну вот! Могли встретиться на набережной.

— Вполне. Только я не узнал бы вас.— Смилга вытащил за шнурок пенсне, старомодное, с дужкой, надел его, с придирчивостью оглядел Владимира Ильича.— Не похожи на Ленина.

— Ничуть? Это хорошо. Меня финские товарищи так конспирируют... Я, представьте, даже в роли пастора был.— Владимир Ильич громко засмеялся, но спохватился сразу и тише, осторожнее: — Нуте-с, что же мы стоим? Садитесь, пожалуйста. Прошу!

Смилга сел, оглядел комнату. Мебель в ней более чем скромная — стол, три стула, промятый диван, кровать простая, железная, покрытая легким одеялом. Украшением был книжный шкаф да несколько картин на стенах. «По-рабочему живет полицмейстер!» — заключил.

— Стало быть, Центробалт имеет свой флаг. — В голосе Владимира Ильича звучала радость.— Убедился воочию.

Ровио принес кувшин с клюквенным морсом, сел.

— Флаг есть, но...— Смилга развел руками,— его не признают. Ни морское ведомство, ни правительство.

— А он, невзирая ни на что, реет в небе? Вот это и важно! Центробалт — грозная сила. Потому-то и хочется Керенскому повернуть пушки балтийцев в нужную ему сторону. — Владимир Ильич подвинулся со стулом.— Ну-с, а каково положение на кораблях, сейчас, после июльских дней? Какие за нас суда? Какие колеблются? Против? Как настроение матросов? И вообще, как

складывается обстановка?

Во взгляде, в позе Ленина — ожидание.

— Положение на кораблях, Владимир Ильич, теперь изменилось.— Смилга сидел, прямо, по-военному выпячивая грудь.

— Именно?

— Команда броненосца «Республика» вся наша. В огонь и в воду пойдет. «Диана», и «Андрей Первозванный» — тоже, можно считать, большевистские. «Орфей», «Петропавловск»... Даже «Кречет», на котором помещается штаб адмирала, полон матросов-большевиков. Слабее мы на дредноутах, особенно на «Полтаве».

— Эсеры? — Ленин нахмурился. Смилга огорченно вздохнул: да.

— В ротах свеаборгской артиллерии также сидят эсеры, — продолжал он. — Но долго не продержатся. Сквырнут матросы. После июля они сплотились необычайно. Главное — политически выросли.

— Это хорошо, это очень хорошо! — вставил Ленин.

Смилга постоянно чувствовал на себе взгляд Владимира Ильича, внимательный, выпытывающий — самое важное хотелось знать ему. И он старался отыскать в памяти нечто эффективное, слышанное в Центробалте.

— Матросам внушают любовь к Временному, а они... — Смилга сделал размеренную паузу, — они в ответ: «Довольно проповедей!» И стаскивают за полы агитаторов. Говорят: «Попа и в рогожке видно».

— Как, как? И в рогожке? — Владимир Ильич откинулся на спинку стула и рассмеялся, теперь уже беззвучно. — Очень метко! Значит, во что бы ни рядились эсеры, веры им больше нет?

— Никакой. Матросы пачками выходят из их партии. Да вот «Диана»... шестьдесят человек подали заявления. Залпом. А наши ряды растут. Уже более пяти тысяч человек имеем.

Ленин удовлетворенно хлопнул ладонью по столу, встал, прошелся по

комнате — сосредоточенный.

— Все события — за нас! — сказал, остановись. — Обратили внимание? Даже июльские. Несмотря на «потерю» нескольких сот членов, наша партия выиграла от 3—4 июля. Ги-гантски! — произнес приподнято. — Именно в эти тяжелые дни увидели в большевиках своих передовых бойцов. Увидели и поверили в них. Пошли за ними!

Ровио, сидя в сторонке, не сводил с Ленина глаз. Владимир Ильич был слегка возбужден, он как бы светился верой в правоту дела. И с каждым словом заражал своей энергией.

— А как сам Центробалт? — Ленин опять сел и, положив руки на колени, нагнулся вперед. — Сильно разбавлен соглашателями? Как помогает ему Гельсингфорский комитет партии? Что делается в Совете?

— Центробалт нынче не тот, Владимир Ильич, что был при Дыбенко. Соглашательский. Но — выходит на революционный путь!..

Смилга прибыл в Гельсингфорс неделю назад. До этого находился в Кронштадте, состоял там членом комитета РСДРП (б). Обстановка на Балтике была ему известна, и тех дней, что прожил в Финляндии, хватило, чтобы уяснить местные особенности ее. Он отвечал уверенно, даже с некоторой бойкостью, но слишком уж неконкретно.

Они говорили до позднего — Ленин и Смилга.

— Ну-с, а теперь давайте бражничать! — Владимир Ильич налил стакан морса, подал Смилге. — Вкуснейший напиток. Пробовали? Только в Финляндии умеют такой делать.

Смилга отпил глоток, утер усы и похвалил хозяина.

— Вижу, Заграничному бюро ЦК написали, — сказал, взглянув на бумаги.

— Закончил наконец. — Владимир Ильич пошелестел письмом, сложил вдвое. — Вышло нечто вроде дневника. Зато все важное написал. — Он подал Ровно письмо. — Перешлите,

пожалуйста, Воровскому или Ганецкому. Со Стокгольмом есть связь?

«Связь?..» — Ровно сдвинул брови. И помрачнел.

— Забыли? Ну и ну! — Владимир Ильич с укором смотрел в глаза Ровно. — Что же это вы, батенька, а? Прямо скажем, опростоволосились.

Смилга предложил:

— В Гельсингфорсе остановился делегат социалистической рабочей партии Америки. Некий Рейнштейн. Едет из Петрограда в Стокгольм. Можно им передать. Вы знаете его?

— Рейнштейна? — Владимир Ильич мгновенно подумал. — Понятия не имею, что за гусь. По газетам, он приветствовал «Объединительный съезд» меньшевиков. Значит, гусь подозрительный.

И он стал доказывать всю важность связи со Стокгольмом. Без нее, без этой связи, все разговоры об «Интернационале» — фраза. Пустейшая и вредная!

Смилга надел шинель, фуражку — пора уходить.

— Указания ваши и советы — все выполним, Владимир Ильич. Будем лупить эсеров и... всех отступников марксизма.

— Только никакой фразеологии. Ни малейшей. Факты из жизни — ими бейте! Ну-с, желаю всех благ. — Владимир Ильич подал руку. — Будьте осторожны!

Он подошел к окну.

На улице, едва Смилга вошел в толпу прохожих, за ним устремился полицейский.

«Слежка? И возле нашего дома прохаживаются... Еще не хватало!» — Ленин подозвал хозяина: в чем дело?

— Не беспокойтесь, — Ровно улыбнулся. — Это переодетые рабочие. Охраняют покой полицмейстера.

5.

Новости, которые принес Смилга, порадовали Ленина. Весьма и весьма. Ничего этого, разумеется, он не нашел бы

в газетах. И сотой доли. Но, к сожалению, их мало, новостей. Смилга в Гельсингфорсе — новичок. Он говорил то, что слышал от других. А вот поговорить бы с настоящим балтийцем, просоленным ветрами, пропахшим морем!

«Дыбенко... — Владимир Ильич приостановил шаг. — В «Крестах». И Антонов-Овсеенко, и Рошаль... Все руководители Центробалта сидят. — Потом вспомнил Жемчужина — он с группой моряков встречал его на станции Рахимяки, когда, возвращаясь в Россию, проезжал через Финляндию. — Энергичный. Он-то порассказал бы! Вот еще Ховрин, говорят, осведомлен хорошо».

И вздохнул. Встреча с ним — увы! — невозможна.

Из прихожей Ленин заглянул в кухню. Там у плиты возился Густав Семенович. Не стал его отвлекать, вернулся в комнату. Пока хозяин занимался своим делом, решил полистать рукопись «Государство и революция» — все ли написал об организации единства нации?

Он снял пиджак, развязал галстук. В жилете и в белой сорочке с расстегнутым воротником уселся за стол.

«Да, о централизме! — Владимир Ильич открыл синюю тетрадь — в ней были цитаты из Маркса и Энгельса, различные пометки, замечания. — Ага, Бернштейн! — нашел запись. — Сей оппортунист в своих «Предпосылках» обвиняет марксизм в «бланкизме» и решительнейше опровергает «диктатуру пролетариата». Ловко, господин ренегат! А в вопросе о Парижской Коммуне идиотски смешивает с Прудоном. Главное же — абсолютно обходит «разбитие» государственной машины. Обходит жульнически!»

Владимир Ильич осуждающе нахмурился.

«Ну-с, а Каутский? — Он перевернул страницу, прочитал: — «Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры мы вполне спокойно можем

предоставить будущему». Хм, перл! Я-де за диктатуру пролетариата, но не хочу настаивать на ней и разбирать ее. Ни за, ни против. Вот до чего опошили марксизм!»

Ленин взял чистый лист. За столом, сидел, чуть -наклонив голову, весь подавшись вперед.

«Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины...— Он писал быстро, подчеркивая, отдельные слова.— Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных, воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. — Помедлив, зло, с сарказмом заключил: — Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!»

Приложив пальцы к подбородку, подумал:

«Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть? Если организуются вполне свободно по коммуна и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю всей нации, всему обществу... Разве это не будет централизм? Самый последовательный демократический централизм? И притом — пролетарский централизм?!»

Он записал и эту мысль, нужную, самую важную.

«Нет, Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм. Как всякому филистеру, ему рисуется централизм, как нечто сверху данное. Только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным».

Владимир Ильич отвлекся — подошел Ровно.

— Что, уже поздно? — Он взглянул на часы. — Сейчас кончу. Сейчас, сейчас.

Густав Семенович поставил стакан чаю с бутербродом.

— Выпейте на ночь,— предложил.

— Помилуйте, да ведь после этого я и спать не лягу!

— Вы и так не скоро соберетесь. Выпейте.

Ложась в постель, Густав Семенович проронил:

— Письмо в Стокгольм завтра отправлю. Нашел как.

Владимир Ильич оторвался от рукописи, вспомнил:

— А-а, попало! Ну, смотрите ж — слово дали! — погрозил в шутку.

И вновь склонился над бумагами.

Раздел главы он закончил, обрушившись на оппортунистов:

«Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита».

В тиши комнаты слышно было, как за окнами шумели деревья. Вскоре о стекла крупно забился дождь.

Владимир Ильич подошел к окну. Всмотрелся в ночь — каскады воды обрушивались наземь, смывая с тротуаров листву.

«Тьма и вода... Гм! Каково-то сейчас тем, кто не имеет над головой крыши? — Он зябко передернул плечами.— Солдатам в окопах, например?» Ленин сурово смотрел на улицу.

Войне нет конца. По крайней мере, не видно.

Корнилов!.. Сдав Ригу, этот русский Бонапарт, конечно же, пойдет на новую авантюру. Но что в его планах? Ликвидация Кронштадта? Угроза немцами революционному Петрограду?

«И то и другое ужасно,— думал Владимир Ильич.— Но более всего ужасно то, что затягивается война. Россия уже потеряла половину народного богатства. Долг ее достиг

колоссальной суммы — шестидесяти миллиардов рублей. Растет инфляция, надвигается голод... Нужен мир. Во что бы то ни стало — мир!»

С треском распахнулась форточка — белая занавесь на окне вздулась, парусясь от ветра. Ленин будто и не видел этого.

«Буржуа пугают народ. Дескать, пойти на мир, значит, потерять Ригу. Обман. Коварный и жестокий!— Владимир Ильич нервно прошелся в задумчивости. — Что такое Рига? Добыча немецких капиталистов-разбойников. А Армения? Добыча русских капиталистов-разбойников. Когда разбойники договариваются о мире, они либо сохраняют свою добычу, либо обмениваются кусками ее. Так кончались войны. И так будут кончаться, пока власть в руках капиталистов. А что сделает правительство рабочих?..»

Над крышами домов полыхнула молния. Осенью?

В форточку с буйством влетел ураган.

Ленин остановился, приняв на себя порыв стихии.

«Правительство рабочих и крестьян — только оно одно может предложить условия мира. Предложить тотчас. Эти условия — мир без аннексий. Иначе, без захвата чужих земель...»

Владимир Ильич вскинул голову, сырой ветер бил ему в лицо.

Ураган нарастал...